

Чжао Дунсян наблюдал за происходящим, пока крики женщины не стали удаляться, и только тогда он очнулся, мысленно молясь: «Если я выживу, обязательно принесу жертву предкам и исполню обет. Больше никогда не буду есть мясо и пить вино».

Он вспомнил свою дочь, которая только что сдала экзамены в среднюю школу и поступила в одну из трёх лучших школ Биньхая. Всю свою жизнь он работал до изнеможения, тратя здоровье на бесконечных застольях, чтобы обеспечить семью. Его дочь любила рисовать и мечтала стать профессиональной художницей, а обучение искусству требовало огромных денег. Если он умрёт, все незавершённые проекты пойдут прахом, а его жена, не разбирающаяся в бизнесе, даже не сможет вернуть вложенные средства...

Размышляя об этом, слабое чувство вины перед будущим казалось таким же незначительным, как пятно от супа на рубашке.

— Отпустите меня... Кто вы?! Помогите!.. Есть тут кто-нибудь?..

Цао Цзин, которую тащили по земле, кричала хриплым от простуды голосом. Горло болело так, что даже глотать было мучительно. Её крики терялись в шуме ветра.

Правый контакт выпал, и её зрение стало нечётким. Она не понимала, где находится. Через некоторое время она услышала музыку, а затем лестницу, которая царапала её лицо и живот, вызывая сильную боль, пока она не потеряла сознание. Очнувшись, она оказалась в тёплом и тесном пространстве, окружённая полной темнотой. Смех клоуна раздавался у неё в ушах, постепенно затихая.

Цао Цзин была на грани истощения, даже дыхание давалось с трудом. Она поняла, что это из-за нехватки кислорода, и начала биться о стены, пока кости не стали ныть от боли, но пространство оставалось неподвижным. В отчаянии она заплакала, опираясь на стену, и вдруг заметила слабый свет, пробивающийся сзади. Осознав, что есть путь к спасению, она с трудом повернулась и упёрлась руками в дверь, но сильное сопротивление показало, что она заперта. Однако доска была не слишком толстой, и свет проникал через щели, что хотя бы не давало ей задохнуться.

Тесное пространство вынуждало её стоять, что для человека с высокой температурой было невероятно изнурительно. Она уже плакала и срывалась много раз, но, думая о сыне, продолжала бороться.

Цао Цзин не знала, кто такой этот клоун, зачем он её похитил и что её ждёт. Эта неизвестность, возможно, была хуже физических страданий. Темнота лишила её чувства времени, и она периодически вытягивала шею к щели, чтобы вдохнуть воздух, иначе бы потеряла сознание.

Она считала до ста двадцати, после чего начинала задыхаться. По её расчётам, она провела здесь уже более десяти минут, но снаружи было тихо. Куда делся клоун? Неужели он хочет задушить её?

Цао Цзин, измученная и сонная, несмотря на страх, заснула стоя. Очнувшись, она услышала слабую музыку. Она тут же насторожилась, затаив дыхание, чтобы определить её источник.

Музыка становилась всё громче, будто приближалась. Она была ей слишком знакомой...

*Лондонский мост падает, падает.

Лондонский мост падает,

моя прекрасная леди.*

В темноте детский голос, записанный на плёнку, вызывал мурашки. Звук нарастал, а затем резко остановился. Цао Цзин почувствовала, что грузовик остановился прямо за дверью. Она зажала рот рукой, слёзы катились по её щекам.

Внезапно снаружи раздались шаги. Цао Цзин запаниковала. Даже понимая, что она беспомощна, инстинкт самосохранения заставил её кричать и бить в дверь. Если бы она была спокойнее, то заметила бы, что шаги были лёгкими, что указывало на небольшой размер того, кто к ней приближался.

Снаружи раздался звук пластиковых игрушек. Цао Цзин неуверенно произнесла:

— Лэлэ?

Ответа не последовало.

Через несколько секунд она услышала лёгкое шмыганье носом и сразу же поняла, что снаружи её сын Лэлэ!

— Лэлэ... Лэлэ, ты там? Ты в порядке, ты не ранен?..

Она стучала в дверь.

— Лэлэ, не убегай, слышишь? Ты подожди, мама... мама выберется, мама заберёт тебя домой!

Цао Цзин снова попыталась выбить дверь, но безрезультатно. В этот момент снаружи снова раздались шаги. Она молилась, чтобы это был кто-то, кто поможет, кто угодно, лишь бы открыл дверь и дал ей увидеть сына...

Но смех клоуна разрушил её надежды.

Внутри замка, стилизованного под старинный, из вертикально стоящего гроба доносились удары по дереву и пронзительные крики женщины.

— Убирайся!! Не подходи к моему ребёнку! Я не позволю тебе его трогать, слышишь? Аааа... Лэлэ, Лэлэ, беги, уходи как можно дальше отсюда...

После отчаянных криков её голос почти пропал. Она прижалась головой к деревянной двери, стуча по ней. Снаружи раздалось бормотание клоуна, звучавшее легкомысленно, а затем смех ребёнка. Цао Цзин подумала, что ей послышалось, и остановилась, прислушиваясь.

Нет, она не ошиблась. Это действительно смеялся Лэлэ — клоун не причинил её ребёнку вреда!

В её сердце вспыхнула странная радость, и она на мгновение забыла о своём положении. Она безумно думала, что, возможно, клоун не хочет навредить Лэлэ, может, это всего лишь шутка... Да... ведь раньше клоунов часто приглашали в семьи на детские праздники, чтобы развлечь гостей... Не нужно думать о худшем...

Раздался звук металла, и её сердце снова сжалось. Она напряглась, слушая. Клоун что-то тихо бормотал, его голос был приглушённым, а затем Лэлэ несколько раз сказал «угу».

Она услышала шаги Лэлэ, приближающиеся к ней, и звук металла, сопровождающий его.

Цао Цзин сразу поняла, что Лэлэ держит ключ и открывает дверь. Она с тревогой ждала в темноте, чувствуя напряжение и надежду. Прежде чем она успела подготовиться, в помещение хлынул яркий свет.

Её глаза слезились от резкого света, но она упрямо открыла их, чтобы сразу увидеть, как её сын.

Перед ней стоял мальчик, очень похожий на неё, с чистым личиком и двумя ямочками на щеках. Он был ростом с неё, когда она сидела на коленях, и был одет в сине-серый клетчатый жилет с белой рубашкой, воротник которой был слегка испачкан. В руках он держал игрушечный грузовик с мигающими красными фарами.

Цао Цзин дрожала, не в силах вымолвить ни слова. Она обняла сына, рыдая так, будто её сердце разрывалось на части. Мальчик покорно стоял, не сопротивляясь, даже когда она сжимала его так сильно, что ему, казалось, трудно дышать.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Цао Цзин пришла в себя. Она осторожно произнесла:

— Лэлэ?

— Мама.

Её сердце успокоилось, и она снова готова была заплакать.

— Обещай маме, что больше никогда не будешь убегать. Если ты снова потеряешься и тебя украдут злые люди, мама просто не выдержит...

— Мама.

— Да, — ласково погладила она его по спине.

— Мама.

— Мама здесь.

— Мама.

Она продолжала успокаивать мальчика, но он, словно заводная игрушка, повторял одно и то же.

— Мама.

— Мама.

— Мама.

И только тогда Цао Цзин почувствовала что-то неладное. Она заметила, что уши мальчика были ледяными, а его маленькое тело казалось неестественно жёстким. Она медленно отстранилась, не решаясь взглянуть ему в лицо.

<http://bllate.org/book/15403/1361432>